

Счастливого пути, товарищи!

Прощу передать горячий привет старичка молодым писателям!
Желаю новых творческих побед участникам второго Всесоюзного совещания молодых писателей. Самое важное для литератора — работать, не падая сил, не угашая духа, не прерывая учиться, добиваться художественного совершенства, развивать в себе святое недовольство своей работой, чувство самокритики, ответственности перед партией и народом.

КРЫМ, Мисхор Федор ГЛАДКОВ

Горько приветствую молодых писателей. Надеюсь, что поддержите свежими силами славу великой нашей литературы, если будете упорно работать и учиться. Без большого образования большим писателем стать нельзя.

КРЫМ, Алушта Акад. С. СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ

Приветствую вас, молодые товарищи, уверяю вас всех и пишущих стихами и прозой, и работающих в разных других областях, и просто любящих свой труд, свой дом, свою Родину, — что сердце нашей мирной жизни есть поэзия. И в сердце всякого поэта, пишущего и не пишущего, содержится особое чувство современности. В том смысле чувствую я себя с вами сейчас современным, что не время уводит нас за собой, а мы сами делаем время наше — новое и великое. Мы с вами — счастливейшие поэты всех времен: вы тем счастливы, что встаете прямо с места в борьбу за мир всего мира, а я счастлив, что дожид и пришел к новому времени не с пустыми руками и могу с прямой душой встретить вас и сказать:
— Пожалуйста!

Михаил ПРИШВИН

Созванное в Москве совещание молодых писателей я считаю большим и радостным событием в нашей жизни. Такие всеобщие встречи выявляют десятки свежих литературных голосов. Возможно, что молодым писателям порой недостает той оплотности, которая присуща старшему поколению литераторов, просто потому, что мы больше писали бумаги и больше повидали за нашу жизнь. Но зато они, молодые, с более близкого расстояния наблюдают благоприятные, глубинные изменения, происходящие в нашей стране.

Велика ответственность, лежащая на литераторах старшего поколения. Прежде всего она заключается в том, чтобы без утери передать молодым дружеское — еще горьковского рукопожатия — тепло, то тепло, которое и Горький получил из нашей великой литературы через рукопожатия Толстого, Чехова и Короленко.

Я сердечно приветствую участников закончившегося Всесоюзного совещания молодых писателей и желаю им в первую очередь — даже раньше, чем здоровья и успеха, — честного отношения к литературному труду, самому трудному и самому ответственному, потому что он представляет собой повседневный разговор с народом.

И когда придут эти желанные успехи, даже и тогда не забывать в чьих креслах мы все сидим; я имею в виду всю великую русскую словесность. Мне хочется пожелать молодым писателям больших, ярких мыслей без которых не бывает большой литературы и которых ждет от нас народ.

Счастливого пути, товарищи!
Леонид ЛЕОНОВ

Дорогие друзья! Вы собирались на совещание со всех концов многонациональной нашей Родины. В дружбе народов влялись вы все за руки. Каждому из вас открыта широкая дорога, все выше и выше ваш полет.

Растите же, товарищи! Величие сталинской эпохи воспевайте! Воспевайте героизм советского человека! Как драгоценность, несите в своих пригоршнях великую правду нашей жизни.

В капиталистических странах всячески обессиливают, калечат, уничтожают молодежь. В прекрасной свободной Советской стране живете вы. Рост наших творческих сил, рост талантов советской молодежи изумляет весь мир.

Счастливы вы. Нежно оберегает вас родной народ, о вас заботится правительство, воспитывают вас партия и Сталин. Будем же жить и творить, как учит всех нас товарищ Сталин!

Павло ТЫЧИНА

Только в нашей замечательной стране, где большинство партия и любимый Сталин заботится о народе, с каждым годом, с каждым днем растут и крепнут молодые талантливые силы.

Мне хочется пожелать участникам совещания плодотворной творческой работы. И как писателю старшего поколения хочется напомнить: долг советских писателей — создавать произведения, достойные великой сталинской эпохи, достойные народа-труженика, народа-творца.

Нет более вдохновенной темы, чем жизнь, славные дела и борьба советского человека, знаменосца мира, на которого с восхищением смотрят трудовые люди земного шара, у которого учатся строить по-новому жизнь. Крепко жму ваши руки, дорогие товарищи!

Ян СУДРАБАКЛН.
Народный поэт Латвии

Молодое поколение советских писателей вступает в жизнь в величественную эпоху. Разрастаются требования к труду человека, к его сознательности. Наша эпоха, век Сталина — время гордых и сильных людей труда, мечты и действительного ясного сознания. Чем именно ты, художник, помогаешь духовному миру людей? Что ты открываешь им, о чем заставляешь задуматься? Но открыть людям новое и большое ты можешь только от богатства мыслей и стремления, следовательно, неминуемо встает вопрос о твоём мировоззрении.

В нашей советской литературе, — как среди дорогих нашей памяти имен, так и среди здравствующих писателей, — есть немало замечательных примеров, на которых есть чему поучиться молодому литератору. Учиться надо тому, как эти писатели создавали и создают свои произведения, как естественно и полно мысль, философия, богатство содержания, глубина анализа жизненных явлений связаны, слиты воедино с художественным выражением, как достигается ясность композиции, разнообразие характеров, как создается, шлифуется язык произведения, в чем «секрет» его выразительности, гибкости, чистоты.

Пафос учебы решительно необходим всем поколениям литераторов, без этого пафоса творческая жизнь покрывается плесенью.

Наши совещания молодых писателей — дело серьезное и ответственное: обсуждение, обмен творческими мыслями для многих молодых писателей сыграли решающую роль не только в их работе над «первыми вариантами», но и в работе произведений, которые они готовы были считать уже законченными. Поддержать сильные стороны молодого таланта, выявить причины неудач, помочь автору найти верный ориентир для будущего — какие все это благородные задачи!

Воспитание литературной молодежи — постоянный и священный наш долг.
Анна КАРАВАЕВА

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 36 (2754)

Воскресенье, 25 марта 1951 г.

Цена 40 коп.

НОМЕР ГАЗЕТЫ ПОСВЯЩЕН ИТОГАМ ВТОРОГО ВСЕСОЮЗНОГО СОВЕЩАНИЯ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Воспитание молодых литераторов

Закончила свою работу второе Всесоюзное совещание молодых писателей, созванное Центральным Комитетом ВЛКСМ и Союзом советских писателей СССР.

Триста начинающих литераторов были делегатами этого совещания. Сто пятьдесят известных писателей — прозаиков и поэтов, драматургов и критиков руководили на совещании творческими семинарами. Совещание продемонстрировало небывалый приток творческой молодежи в литературу и значительный рост художественного уровня работ молодых литераторов.

Среди делегатов совещания было много представителей национальных литератур, в том числе и тех народов, которые лишь после Великой Октябрьской революции получили свою письменность, начали создавать свою литературу. Это одно из проявлений расцвета нашей многонациональной культуры.

Лучшие книги, рассказы, стихи и пьесы молодых писателей посвящены делам нашей прекрасной современности, повествуют о главном герое нашего времени — советском человеке — создателе коммунизма. Творчество молодых литераторов — свидетельство того, каким источником вдохновения является наша прекрасная действительность.

Богатство и разнообразие жизненного материала, запечатленного в произведениях молодых литераторов, богатство и своеобразные представления на этом совещании творческих индивидуальностей — все это залог того, что в ближайшие годы советская литература обогатится новыми хорошими книгами.

Вот почему второе Всесоюзное совещание молодых писателей может быть по праву признано крупным событием не только литературной, но и всей общественной жизни нашей страны.

В работе Всесоюзного совещания, которое, несомненно, принесет большую пользу нашей литературе, имелись и некоторые серьезные недостатки. В докладах и выступлениях на пленарных заседаниях не были с достаточной широтой поставлены вопросы теории советской литературы. Слишком мало времени было отведено работе творческих семинаров, а они, как показала опыт совещания, и были основной формой непосредственного творческого общения молодых писателей с опытными литераторами. Немного работавшая на совещании секция критиков была, к сожалению, весьма малочисленной. Между тем литературная критика — один из важнейших участков борьбы за идейно-художественное совершенствование нашей литературы. Совершенно не были представлены на совещании молодые кинодраматурги.

Изучив опыт совещания, обобщив практические предложения, прозвучавшие с его трибуны, прислушавшись к справедливой критике в адрес Союза писателей, его комиссий и печатных органов, надо определить и принять меры, необходимые для того, чтобы воспитание молодых литераторов шло еще успешнее, приносило еще больше плодов.

Молодые писатели единодушно подчеркивали в своих выступлениях, что необходимо сохранить на будущее и всемерно упрочить их связь с более опытными литераторами, дать им возможность и впредь слышать советы мастеров литературы.

Чтобы не выпускать из поля своего внимания молодых литераторов, чтобы сделать руководство ими систематическим, Союз писателей должен наладить повседневную индивидуальную работу со всеми начинающими литераторами, которые того заслуживают.

Эту работу необходимо начать, не дожидаясь следующего Всесоюзного совещания. Одновременно с этим нужно чаще собирать молодых литераторов для творческого общения с мастерами литературы в Москве и на местах. Областные и меж-

областные, республиканские творческие конференции, встречи писателей в редакциях газет и журналов — многообразны и различны могут быть формы этого общения!

Воспитание молодых литературных кадров не может рассматриваться, как дело одной только комиссии по работе с молодыми авторами Союза писателей. Литературная молодежь — это будущее литературы. Работа с ней, работа постоянная и упорная, — непреложный долг всех писательских организаций, издательств, печатных органов.

Делегаты краев и областей Советского Союза справедливо критиковали плохую работу с молодыми писателями большинством областных издательств, отсутствие во многих областных издательствах подготовленных редакторских кадров.

Для того, чтобы обеспечить дальнейший рост молодых литературных сил краев и областей, нужно помочь областным издательствам в деле повышения квалификации редакторов.

Огромную роль в выращивании молодых писателей призваны сыграть областные периодические издания. Но, как справедливо говорили многие участники совещания, областные альманахи в том виде, в каком существуют сейчас, далеко не справляются с этой задачей. Искусственно ограниченные рамки областных писательской организации, они часто не в состоянии создать полноценную книгу альманаха, в которой были бы представлены различные писатели и различные жанры. Назрела необходимость — совещание показало это со всей ясностью — создать вместо областных альманахов, выходящих во многих областях от случая к случаю, межобластные литературно-художественные журналы.

В месяцы, предшествовавшие совещанию, неоднократно раздавались голоса молодых писателей, настойчиво просивших, чтобы были изданы книги и пособия, помогающие молодому литератору в его работе. Прислушаться к этой просьбе и удовлетворить ее — неотложный, непререкаемый и прямой долг издательства «Советский писатель», комиссии по критике, комиссии по работе с молодыми.

К созданию книг, направленных на помощь молодым литераторам в деле овладения художественным мастерством, должны быть привлечены мастера советской литературы, которые, несомненно, и впредь пожелают с не меньшей любовью и охотой, чем это было в дни совещания, передать свой богатый творческий опыт молодежи.

Многие участники совещания горячо говорили о необходимости создать молодежный литературно-художественный журнал. Совещание ясно показало, что молодые писатели смогут выйти на страницах этого журнала к всеобщему читателю со значительными и яркими произведениями.

Но и ныне существующие литературно-художественные журналы — толстые и тонкие, ежемесячные и еженедельные, должны значительно внимательнее и планомерно работать с литературной молодежью. Это принесет и журналам и писателям обоюдную пользу!

Работа семинаров, где обсуждались произведения представителей различных национальностей Советского Союза, вскрыла серьезные недостатки в деле перевода с языков братских народов на русский язык. Большая часть подстрочных переводов, на основе которых шло обсуждение, была неполна, недостаточно квалифицированными людьми. Приток молодых сил в литературу братских народов будет увеличиваться с каждым днем. А это означает, что Союзу писателей, и в первую очередь в братских республиках, следует принять серьезные меры для повышения уровня переводческой работы.

Выступавшие в прениях отмечали положительную роль, которую играет Литературный институт Союза писателей, готовя кадры молодых литераторов. Однако совещание показало, что в работе этого института есть серьезные недостатки. Безусловно необходимо, чтобы студенты Литературного института за время учебы получили серьезную общеинтеллектуальную подготовку. Но не нужно совмещать с такими тщательно продуманными формами творческой практики, чтобы в годы пребывания в институте у молодых писателей не утрачивалась связь с жизнью, как это иногда бывает сейчас.

Всемерно содействовать росту художественного мастерства молодых литераторов — важнейшая задача всей писательской общественности. Но еще более важно идейное воспитание молодых литературных кадров. В литературной молодежи надо воспитывать постоянное и неуклонное стремление изучать жизнь, быть активными участниками великого созидательного труда, происходящего в нашей стране.

Чтобы воплотить великодушный жизненный материал, который с такой щедростью дает в распоряжение писателя наша действительность, в достойной этой материала форме, нужно неустанно повышать свои знания, овладевать всей сокровищницей великого опыта русской классической и советской литературы.

Критика и самокритика — закон развития советского общества — является и законом развития советской литературы. Нет и не может быть ничего опаснее для молодого писателя, чем самоуспокоенность, самодовольство, нетерпимость в критике. Воспитывать в литературной молодежи скромность, выскальность, требовательность к себе, оберегать ее от преждевременных и чрезмерных похвал, от чрезмерного легкого успеха, приучать ее прямо смотреть в глаза критике — долг всех, кто занимается ее воспитанием.

Всесоюзное совещание молодых писателей показало, что творческое пополнение, изучение литературы, в большинстве своем чуждо прислушивается к выскальскому разбору своих произведений, черпает в нем силы для еще более упорной работы, осознает, какие огромные обязанности налагают высокое звание советского литератора.

Именно поэтому надо решительно осудить отдельные проявления зазнайства и чванства, нетерпимости в критике, которые в отдельных случаях имели место на совещании.

Чем, как не отсутствием скромности, можно объяснить то, что молодой литератор А. Парфенов, произведение которого было подвергнуто критике одним из руководителей семинара, стал возможным печатно выступить с обличительными обвинениями старого писателя в тенденциозном подходе к участникам семинара, умолчал, впрочем, о том, что вызвавший его «неудовольствие» писатель критиковал именно его — А. Парфенова — во многом и многом незрелое произведение.

Неудивительно, что зазнайство и нетерпимость в критике отдельных молодых литераторов вызвали решительное осуждение участников совещания.

Уже сейчас можно отчетливо предвидеть, что прошедшее совещание принесет большие плоды советской литературе.

Неуклонно работая над повышением своего мастерства, стремясь глубоко изучить и вдохновенно отразить дела и лица советского человека, отряд молодых литераторов, входящих в большую литературу, даст народу много новых книг.

В добрый путь, товарищи! В добрый и трудный путь писателя, путь, который весь состоит из учебы, работы, исканий, непрерывного творческого горения во славу родного народа, во славу нашей великой литературы!

Планы и замыслы

Моя специальность — гидротехника. Специальность — нужная стране и особенно важная сейчас, при осуществлении великих строек коммунизма. И писать мне хочется о том, что связано с моей профессией. Я работаю в жанре рассказа, в жесткие «габариты» которого порой трудно вместить материал. Героями моих новых рассказов будут вестские люди. Гигантские стройки сталинской эпохи будут фоном для показа высоких духовных качеств советского человека. У меня нет опасений — по крайней мере больших — за освещение вопросов техники в рассказах — тут меня выручит профессия. Гораздо труднее показать духовные качества наших людей, в котором мне посчастливилось участвовать. Иным совещанием, в котором многолюдными частыми встречами с мастерами нашей литературы, постоянным творческим общением с товарищами, может быть, даже трудно понять, какую огромную зарпядку дает Всесоюзное совещание нам, авторам, живущим далеко от Москвы. Я был здесь два года назад, и стенограмма обсуждения моих рассказов, которую я тогда взял с собой, изучена мною до последней строки, особенно в части критической. Товарищеская серьезная критика, полученная в Москве на творческих семинарах, для меня — источник новых размышлений о дальнейшей работе.

ОМСК Сергей ЗАЛЫГИН

Месяца через три-четыре я сдам в печать повесть для детей «Паль золотая». Она была мною уже окончена, но в результате творческого обсуждения в читинской писательской организации я считаю нужным внести в нее серьезные исправления. Это приключенческая повесть, назначение которой не столько развлечь моих юных читателей, сколько познакомить их с Забайкальем, с его лесами и колхозами.

По профессии я рабочий-лесник, и следующая моя книга будет о лесорубах, о их жизни и труде.

ЧИТА Виктор ЛАВРИНАЙТИС

Я заканчиваю книгу «Дойна о Маршоре». Это повесть о старой и новой Молдавии. События в ней доведены до 1946 года. Маршора — собирательный образ молдавской крестьянской девушки, типизирующий характер молдавского народа.

В ближайшее время буду работать над романом о труде советской молодежи.

МОСКВА Нинель ГРОМЫКО

На днях, во время совещания, я узнал, что в Ленинграде вышла из печати моя книга стихов «Мы — мирные люди». Теперь я думаю о будущей работе. Мне, да и всем нам, молодым писателям — участникам совещания, есть над чем поразмыслить. Общение с множеством людей, впечатлений от встреч и бесед вызывает столько мыслей, что приступить к новой работе надо с гораздо большими требованиями к себе, чем прежде.

ЛЕНИНГРАД Глеб ПАГИРЕВ

Сейчас я работаю над книгой стихов «Щоб молчали гарматы» («Чтобы молчали пушки»). Ее тема — борьба народов мира за мир. В эту книгу я включаю стихи о французском Раймонде Дьен, о женщинах Вентри, Китая и другие.

Заканчиваю поэму о героине освободительной борьбы китайского народа Го Дюн-цин, которая прошла боевой путь от Маньчжурии до берегов Японского моря. С героиней поэмы мне довелось познакомиться в Киве, куда она приезжала в составе делегации китайской молодежи.

КИЕВ Любовь ЗАБАШТА

Поэма «Серый башлык» разбиралась на семинаре поэтов во время Всесоюзного совещания молодых писателей. Мне были сделаны ценные и правильные замечания — я обязан этим М. Луконину и М. Ашгер. И, хотя поэма уже печатается, я решил исправить ее во что бы то ни стало, хотя бы для этого пришлось задержать выпуск книги в Абхазском государственном издательстве. Затем научу писать поэму о грузинской деревне, в которой постараясь показать, как обогатилась духовная и материальная жизнь людей после слияния колхозов, показать то новое, что дает укрупнение колхозов сельскохозяйственному строительству моей республики.

ТБИЛИСИ Отари КУПРАВА

До сих пор вышли две книги моих стихов: в Киве — «Вересень» («Сентябрь») и в Львове — «Світання» («Рассвет»). По возвращении из Москвы думаю продолжить работу над третьей книгой. В ней будет несколько диалогов, в частности — о новых социалистических преобразованиях в западных областях Украины — о той радостной жизни, которую принесла нам советская власть. Во второй цикл войдут баллады о борьбе за мир. Над этим циклом я сейчас и работаю. Далее собираюсь написать лирическую поэму о комсомольцах западных областей Украины.

На семинаре поэтов книга моих стихов рекомендована к изданию в Москве.

ЛЬВОВ Ростислав БРАТУНЬ

Поездка в Москву совпала с радостным для меня событием: в Дегизе только что вышла моя повесть «Весной в половец», написанная для детей среднего возраста. На семинаре по детской литературе она подверглась обсуждению и получила положительную оценку. Это поощряет меня к работе над новой книгой.

В минувшем году я совершил рейс на буксирном пароходе, который вел плоты для одной из гидростанций, строящихся на Волге. Сейчас пишу повесть — также для детей среднего и старшего возраста — о самоотверженном труде речников, занятых на ответственном участке строительства волжских гидростанций.

КУЙБЫШЕВ Виктор БАНЬКИН

Проселок, пересекая болышак на Сорюки, уходил вправо и сворачивал к горе, теряясь в темноте. Слева высилась гора Лыса — бесплодная, глинистая, заброшенная.

— Ковыряются еще наши тодирешты на Лысой пугами? — вудрт тихо спросил демобилизованный.

— Ковыряются, только ня к чему это — не уродятся здесь хлеба, как испокон веков не рождались... Не знаю, что в колхозе решат, но земля скуная: песок да глина...

— А вот скоро вы не узнаете этих мест... отозвался молодой человек в очках. Улыбка неожиданно осветила мягким светом его лицо, оно стало такое молодое, милое и доброе, что все мы заулыбались. Недалеке засветились огоньки. Лошадь прибавила шагу.

Мы вехали в село, которое я потом назвал Тодирешты. Рядом со мной сидели будущие герои моей повести — демобилизованный воин Митра Сырбу, агроном Некулай Маня и колхозный ездовой лед Ифтоде Буга.

Повесть о великой людской мечте, о превращении жестокой Лысой горы в «Гору Виноградную», я написал от всей души. Я полюбил мечту тодирештцев. Я тоже жил ею...

...Но вот я в Москве, на совещании молодых писателей, в комнате, где думает, творит и мечтает наш четвертый семинар секции прозы.

— Давайте помячем о вашей повести... — говорили мне руководители семинара.

И вот Анна Караваева раскрывает передо мной те необходимые перспективы, тот кубанский деловой размах, тот драгоценный опыт, которые должны быть привнесены с собой в молодой молдавский колхоз мой герой Митра Сырбу.

Николай Богданов, Николай Замоскин, Евгений Юнга и молодые писатели — участники семинара рисуют передо мной образы героев «Горы Виноградной» — какими они их видят, хотя и не были в моих Тодирештах. Родными людьми стали для участников обсуждения мои герои: секретарь райкома Иван Андреевич Зорин, бригадир-мичуринец Тодер Боркоман, студентка Ленинградского театрального института Дюна Буга. Они видят и чувствуют в этих далеких молдавских друзьях те живые черты, которые я не сумел еще по-настоящему передать. И они, мои учителя и мои товарищи, критикуют глубоко, резко, справедливо, дают советы...

Сегодня я узнал, что в постановлении семинара есть пункт: «Дать А. Козмеску творческую командировку на Кубань».

Я поеду туда. Поеду по еще горячим следам Митры Сырбу, постараюсь увидеть, прочувствовать, проникнуться той животворной средой, которая породила его мечту. И я напишу, дорогие мои товарищи, действительную «Гору Виноградную», которую вы полюбите, которую я еще не сумел показать, которая есть!

МОЛДАВИЯ Александр КОЗМЕСКУ

В перерыве между пленарными заседаниями в кулуарах второго Всесоюзного совещания молодых писателей в дружеской беседе встретились известные советские писатели и делегаты совещания — молодые литераторы из республик и областей Союза ССР. На нашем снимке (слева направо): А. Салынский (Свердловск), В. Бекман (Эстония), С. Залыгин (Омск), К. Жана (Адыгея), В. Ажеев, А. Софронов, С. Маршак, А. Сурков, М. Исковский, И. Падерин (Саратов), П. Автомонов (Украина), Д. Деятов (Тамбов). Фото Е. ТИХАНОВА

Из выступления на втором Всесоюзном совещании молодых писателей

Всесоюзном совещании молодых писателей

Когда же читаешь эту рукопись, не веришь, что у читателя является желание поехать в этот колхоз, посмотреть на эту хорошую жизнь, пожить там.

Я убежден в том, что форма является из потребности, из страстной убежденности автора.

Когда нам нужно что-то доказать, когда мы в любви объясняемся или даже объяснение на партбюро, мы отлично находим те самые незаменимые слова, которые нужны в данном случае, ибо мы страстно убеждены в необходимости наших высказываний.

Вот из этой страсти, из этой убежденности и является форма, и поэтому мне всегда казалось, что мертвые звучат слова о так называемой технологии стиха. Мне всегда казался этот разговор скучным.

Другое дело, когда есть найдено глубокая заинтересованность в большой теме нашей современности. Вот такую искренность, взволнованную заинтересованность, убежденность мы и называем идейностью автора. Идейный человек — это горячо любящий человек, все существо которого проникнуто верой, убеждением.

И когда этого нет, — нет и формы. Опытный литератор, человек холодный, действующий не по убеждению, а по соображению о том, что эта тема, дескать, нужна, что она на очереди, что вот эту тему отмечают знаками государственного и общественного признания, говорит:

— Напишу-ка на эту тему, да изображу ее строк на тысячи три.

И получается мертворожденное произведение. А когда работа, когда поэма рождается из настоящего чувства, тогда на помощь приходит все, все впечатления бытия и все языковое богатство, и все приобретает необходимую форму, ясность и отчетливость так, как это бывает в страстной, убежденной речи.

Вот что говорит Некрасов в письме к Л. Толстому:

«...нет такой мысли, которую человек не мог бы себя заставить выразить ясно и убедительно для другого, и всегда случаю, когда встречаю фразу «нет слов выразить» и т. п. Взор! Слово всегда есть, да у нас ленив, да вот еще что: надо иметь веры в ум и проницательность другого по крайней мере столько же, сколько в свои собственные. Недостаток этой веры иногда бессознательно мешает писателю высказываться и заставляет откидывать вещи очень глубокие, чему лень, разумеется, потворствует».

Это удивительно перекликается со словами Горького о том, что с читателем нужно говорить, как с другом, который понимает с полуслова, как с другом, которому солгать нельзя, как с другом, перед которым не нужно ни многословия, ни красноречия.

С кем же, как не со своим большим советским читателем, еще можно в такой мере говорить, как с другом. Именно мы имеем такое счастье, такую возможность: говорить с нашим большим, умным, талантливым другом, которому незачем раскиселивать ненужные подробности, перед которыми нельзя солгать, от которого нельзя утаить существенного и важного, перед которым нужно быть чистым, правдивым и ясным!

Огромная роль в воспитании наших кадров в литературе принадлежит печати, в частности печати комсомольской, поскольку речь идет о писателях молодых, поскольку сама наша конференция оставляет предмет такой большой заботы Центрального Комитета комсомола. Но я с горечью вынужден отметить, что «Комсомольская правда», к сожалению, не всегда удачно выступает по вопросам литературы. Возьмем, например, статью, которой она встретила нашу конференцию — «За горьковское отношение к молодым!» (№ 62, от 16 марта 1951 года). Я просто не могу понять, откуда это удивительное криповидение и необожательство, пронизывающие всю статью.

Здесь отмечается, например, что ряд писателей уделяет значительное время воспитанию молодых литераторов. И вдруг говорится — «...невозможно возникает вопрос: много ли имеет «литературных сыновей» в последние время С. Маршак?» Товарищи, поправайте кого угодно, начиная с меня, но не Маршака, который десятилетия своей жизни отдал и отдал воспитанию молодых писателей. Маршак трудно дома заставить, чтобы у него не сидело 2-3 молодых писателя. Да и мы, взрослые, отнимаем у него время. Жаль, что шестидесятилетнему человеку, заслуженному работнику литературы, и вдруг — такая шпилька.

«Комсомольская правда» сочла необходимым критиковать писателя В. Некрасова. Автор книги «В окопах Сталинграда» рассказал нам об окопах переднего края, где все, до последнего згибца траншеи, было ему известно. Я знаю Некрасова, как скромного, взыскательного к себе, работающего человека, помню, как он хорошо работал, старался учесть все сделанные ему замечания. Теперь «Комсомольская правда» имеет сведения, что когда появилось новое издание, то Некрасов сказал: дополнить и развивать не буду. И газета говорит: тут бы и воспользоваться новым изданием, развивать, дополнять.

А я уважаю таких писателей, которые не переделывают всякий раз и по первому требованию редактора свои произведения, а держатся какого-то доведенного до известного совершенства текста и говорят: «Нет, я вставить не могу».

Далее в статье цитируются стихи А. Золотушкина. Ей-богу, неплохие стихи. Вот что он пишет:

Когда от лет уставших и от ран Косетса нас могильная прохлада, Когда умрет последний ветеран — Участник обороны Сталинграда, В двухтысячном сияющем году, В родном, коммунистическом, знакомом, К нам на могилу правнуки придут — Писатели, Прорабы, Агрономы...

Что же тут плохого? Поэт пишет о том будущем, которое не забудет прошлого, о будущем, которое уносит гордую память лучших дней борьбы. А газета заявляет: «Оторвавшись от жизни, от передовых идей своего народа, молодой человек, которому жить да жить, вырядился в савану».

Товарищи, успех нашей работы и итоги работы нашей конференции не в том, сколько широкие документы будут приняты. Успех определяется тем, что будет написано вами, сидящими в этом зале. Так разрешите мне от всей души пожелать каждому лично успехов в его дальнейшей литературной работе!

Из выступления на втором Всесоюзном совещании молодых писателей

Всесоюзном совещании молодых писателей

Только хорошо зная жизнь и людей, писатель может выполнять свои обязанности.

Без знания жизни, без постоянного, внимательного, активного участия в этой жизни писателю работать сейчас просто невозможно.

И задумав написать роман о том, как после войны люди приходят из армии домой и приступают к мирному труду. Эта тема возникла у меня еще во время войны, когда я, бывая в полевых частях в качестве военного корреспондента, слышал очень много разговоров о том, как мы будем жить после войны. Когда я сел за роман, для меня, как и для многих пишущих людей, самым трудным оказалось начало. Я написал много бумаги, сделал много вариантов начала, но такого, который удовлетворил бы меня, не было. Я знал, что надо начать с того, что люди возвращаются домой. Но в какой обстановке? Как? Ведь возвращался не один человек, а миллионы, и каждый шел своей неповторимой дорогой.

Есть на Кубани хутор Маковский. Это моя родина: там прошло мое детство, отрочество, юность, там живут мои родители. Я поехал навестить их. В это время на хутор вернулись два парня: один из них — водитель танка, а второй — его друг, товарищ по танковому экипажу. Один танкист вернулся к себе домой, а другой — к нему в гости, так как ехать ему из армии было нелегко. Оба они воевали очень хорошо. Я увидел, как эти два парня, вернувшись домой, стали внимательно присматриваться, а потом решительно вмешиваться в жизнь небольшого хутора. В это время, казалось бы, обычном, будничном эпизоде я увидел кусочек послепенной жизни.

Конечно, я многое изменил. Но самый факт, что эти два человека вернулись с войны, взят мной из жизни. Если бы я не поехал на хутор, если бы я не увидел этого, я вряд ли смог бы придумать именно такое начало для своего романа.

В этом же 1946 году, летом я жил в большой казачьей станице Понутная. Станица эта стоит на крутом берегу реки. Правый берег покрыт абрикосовыми садами, и когда смотришь с высокого берега,

то кажется, что все эти сады облиты пчелиным медом, — такая там желтизна. Очень большой был урожай абрикосов.

В правление колхоза надо было идти садами. Я пошел. Вижу — женщины собирают в корзины абрикосы. Среди них был и председатель колхоза, пожилой, неграмотный на вид мужчина.

Желаю найти предлог для беседы, я спросил у него, нельзя ли купить килограмм абрикосов. На мою просьбу он ответил, что эти сады не его — колхозные, вопрос о пролаже фруктов нового урожая не решался, и для того, чтобы дать мне килограмм абрикосов, надо созвать заседание правления.

Много видел я председателей колхозов, но такого еще не встречал. Я заинтересовался им, стал приходить в колхоз, разговаривать с ним. Побывал я и у него дома. Он оказался очень гостеприимным, совсем не скучным человеком. Скучным же он был тогда, когда дело касалось колхозного добра. Этот хозяин назвал порядок в колхозе, — он тоже вошел в мой роман.

Шедо жизнь помогает нам. Если бы я не встретил своих будущих героев живыми, я вряд ли смог бы их описать в книге. Надо знать жизнь. У нас часто в романах не хватает хорошего жизненного материала, мы сглаживаем углы, сглаживаем не потому, можем быть, что так хотим, а потому, что так легче писать. Мы не обращаем внимания на то, что наша советская жизнь потому-то и хороша, что она — не идеальна.

Прочел я недавно роман, в котором все события развиваются необыкновенно легко. Приезжает новый директор МТС, и всюду на его пути — одни радости. В райкоме тоже одни удачи, и в колхозах тоже. А если присмотреться к жизни, то у секретаря райкома много бессонных ночей, а директор МТС несет на своих плечах большую тяжесть.

Мне хорошо знаком один директор МТС, депутат Верховного Совета от нашего

края. Хороший мужчина, волевой, умный, со «стенным» характером. Сколько у него забот и трудностей, вызываемых тем, что растет МТС, растут новые люди! Все это мы не показываем, потому что об этом трудно писать, и надо иметь талант, чтобы изобразить красоту настоящей жизни.

Некоторые писатели жалуются, что вот я написал бы роман, и талант у меня, дескать, есть, но беда в том, что нет темы для романа. Дайте тему, я и напишу... Смотришь на такого писателя и думаешь — как же так? Бедь темы — рядом с нами, и если бы мы сильнее и ярлее работали, то хватило бы этих тем и на 24 часа в сутках.

Мало писать о хорошей жизни, надо показать эту жизнь, надо доказать, что она действительно хороша. Не сумеешь этого сделать, в твою книгу не поверят.

Несколько слов скажу о языке. Мы как-то до сих пор по-настоящему не почувствовали, что язык — это первооснова в нашей работе.

Все это отношу и к себе, даже, может быть, больше, чем к другим. И мне надо строго отбирать слова, которые звучат, как золото, и отбрасывать равные, беззвучные. Чем там греха таить, у каждого из нас может отскатиться немало слов-паразитов, от которых не знаем, куда деваться. Казалось бы, вот у тебя слова лежат в кармане, бери и пиши, но есть, оказывается, слова, которые хранятся в сейфе в далеких погребах, а слова-паразиты сами лезут, лезут так, что от них трудно избавиться. Тут нужна упорная, настойчивая работа над фразой.

И еще несколько слов о критике. В жизни писателя она необходима. Я это испытал на себе и знаю, что значит товарищеская критика. Когда тебя покрывают, ты и пишешь лучше. Если же получается так, что по какому-то стечению обстоятельств вас хвалят, то вы старайтесь сами к себе относиться более критически. К сожалению, есть у нас такие писатели, которые считают, что всего уже достигли, что все хорошо, а потому и за письменный стол садиться им уже не очень хочется. Но такие писатели неизбежно терпят неудачу в будущей своей работе.

Вера ПАНОВА Радость творческого труда

Работы товарища Сталина по языкознанию ставят перед нами, литераторами, проблему языка — как величайшую нашу задачу, как проблему проблем.

Языки — наш строительный материал. Из худого материала не построишь доброго здания. Мы знаем великую точность и ясность языка Льва Николаевича Толстого. Знаем сокрушающую силу слов Салтыкова-Щедрина. Слова, как неистраченные камни, лежат в «Медном всаднике» и «Мертвых душах». Попробуйте вынуть хоть один камень. Не вынете. Положено вечно.

Мы, начинающие литераторы, работаем над словом еще мало, плохо и лениво.

Мало работаем над словом, над композицией, вообще над формой произведения.

Вот приносит молодой писатель роман. Очень интересный и значительный по материалу роман, показывающий несомненные способности автора. Но читать трудно. Там длинноты, тут скоромогорье. Многие герои едва намечены и брошены. Диалогичны вымыслы, вытеснены бедны, и автор говорит:

— Да, я это все понимаю. Но сам больше ничего не могу сделать. Пусть редактор доделает.

Конечно, хороший редактор, опытный, умный, чувствующий индивидуальность автора и помогающий раскрыть этой индивидуальности, — великая помощь и опора для литератора как начинающего, так и многоопытного. Но даже самому начинающему не годится переделывать на редактора всю трудную, кропотливую (и такую радостную для автора) — творческую

работу по шлифовке рукописи.

В большинстве случаев слова «сам больше ничего не могу» не соответствуют подлинным возможностям одаренного молодого автора: смог бы, ежели б постарался и поработал над рукописью похуже, обдумал каждое слово, каждый эпизод, каждый образ. Вот эта релакса — так ли она написана? Точно ли передает мысль и чувство героя? Слышна ли в ней живая человеческая речь или живые люди говорят в таких случаях как-то иначе? Вот этот герой — достаточно ли ясно показаны его устремления, его деятельность, черты его характера? Увидит ли его читатель, заинтересуется ли им?

«Сам больше не могу» — это обычное проявление спешки, желание поскорее «сделать заявку», пережить окончание своего труда на других людей.

Результат этой спешки — серость произведений некоторых начинающих авторов, недостаточная характерность их писательского почерка, порою — явная подражательность: вместо того чтобы постараться написать о людях и событиях так, словно еще никто и никогда о таких людях и событиях не писал (а ведь мы, писатели современной темы, действительно имеем дело с совершенно новым материалом — шадем по целине!), — некоторые авторы пользуются готовыми образами из произведений классиков или современных советских писателей старшего поколения. Не в этом заключается учеба у классиков: работа на литературных реминисценциях, не выработавшая собственного писательского почерка. А ведь все мы хотим, чтобы чи-

татель, открыв нашу книгу, мог сразу сказать: «Это такой-то писатель. Его рука видна!» Я думаю, что индивидуальный почерк должен быть для литератора продуктом такой же горючки, как для мастера производящего личное клеймо.

Величайший образец такой неповторимой творческой индивидуальности — литературный почерк товарища Сталина. Велика и плодотворна сила практических у нас коллективных обсуждений рукописей. Плодотворна товарищеская взаимокритика, плодотворен труд многих наших отличных редакторов — энтузиастов своего дела. Но выработать свою творческую марку, свой стиль, заработать «личное клеймо» может только сам автор путем неустанного повышения мастерства.

Много и справедливо говорим мы о том, что писатель должен знать жизнь, впитывать в себя жизнь, быть ее активным участником, зорким наблюдателем, пламенным творцом. Это первое условие для нашего роста. И в этом не только обязанность, но и счастье наше!

Есть у писателя еще вторая профессия — его радость, радость работы за письменным столом, когда ты один перед белым листом бумаги, строишь, в тишине, в напряжении всех своих душевных сил, в погу и муках, несведомых другим, воздвигаешь новое здание для твоих единоплеменников, сограждан, товарищей.

Я — за то, чтобы эту радость познали все мы, чтобы не было среди нас обделенных ею. За прилежание (хорошее старое слово!) в работе, за рукопись, в которую автор вкладывает себя до последней крошечки, за личное клеймо.

Борис ГОРБАТОВ

Жизнь и книга

Из выступления на втором Всесоюзном совещании молодых писателей

Все выступавшие на совещании единодушно говорили о великом значении жизненного опыта для работы писателя. И это понятно. Нельзя строить на пустом месте Человеку, который сам ничего не знает, — не о чем и рассказывать людям.

Мне хочется только подчеркнуть, что жизненный опыт, знание жизни приобретаются не случайными творческими командировками. Вся жизнь писателя есть непрерывное, ежедневное наблюдение и изучение. Что касается меня — раз уж мы здесь делимся своим опытом, — то я только за письменным столом вспоминаю, что я — писатель. Я стараюсь забыть об этом, когда живу среди людей, хочу жить просто, как люди живут, не думая о том, как я потом опишу это событие или борюсь в это событие, невольно запоминаю в это событие и эту борю. В сожаление, я редко записываю что-либо в записную книжку, но все увиденное, услышанное, узнаю прочно откладывается в памяти, словно в закрома. И чем эти душевные закрома полнее, тем потом легче писать.

Огромную службу сослужила мне моя догадливая работа в газете в качестве специального корреспондента. Газета дала мне возможность исполнить всю нашу страну, встретиться со многими замечательными людьми и, главное, встретиться с ними поближе к делу. Для советского журналиста обязательно отвлечься в поле, в горы, и именно деловое изучение материала: журналист по необходимости постоянно вынужден в технику дела, он доверчиво слушает всякие рассказы, он все должен пропустить собственными руками, если не хочет подвести свою редакцию и обмануть своих читателей. На мой взгляд, для писателя работа в газете незаменима. Во всяком случае, лично я обязан газете всем, что я знаю и умею.

Газета научила меня разговаривать с людьми по душам и «по существу». Я, например, никогда не беседую с человеком, лишь перед собой болтаю. Из опыта я

бы использовать в беллетристической форме? Что могли рассказать ему люди? О чем он мог распространить их? Он приехал на Магнитку, как на охоту, как на золото россыпь, и, разумеется, уехал ни с чем. А «самородки», действительно, лежали повсюду, но он их и не мог увидеть.

И хочу особенно подчеркнуть необходимость именно активного, осмысленного, делового изучения жизни. Процесс обдумывания будущей книги есть необходимо важный процесс. Собственно, в этот период и решается: получится книга или не получится. Вот тут-то и начинаешь ворошить свои закрома. Начинаешь отбирать драгоценное, важное, нужное. Начинаешь — это только в моем своем — организовать и впечатлений и образов, как дом из строительного материала.

Часто у нас, говоря о мастерстве писателя, имеем в виду главным образом работу над словом, над образом, над эпизодом, точно же мастерство писателя состоит в том, чтобы написать хорошую фразу. Между тем этап создания книги еще до и сие не есть о стола, на мой взгляд, есть этап куда более решающий. В это время нужно прежде всего привести в ясность идеи и мысли, которые ты хочешь сообщить читателю; нужно привести в порядок то, что ты в жизни увидел, ибо материал огромный и в нем легко потонуть. И здесь я стою за план. Я знаю, что наши классики никогда без плана не работали.

И не люблю употреблять «на этом этапе — слово «схема». Да, надо построить схему, чертёж будущей книги. Располагать, выносить их взаимоотношения. Оценить их судьбу. Но, по-моему, ничто не интереснее в книге, чем судьба человека-героя. А эти судьбы — в руках писателя. Меня удивило, что некоторые молодые писатели смутно представляют себе биогрaфии своих собственных героев.

Спрашиваешь у такого писателя: — Сколько лет вашему герою? — Да этак лет 25—28.

— А где он учился? На какие средства? Кто его родители? Какую зарплату он получает?

Выясняется, что автор все это знает твердо, а такими «презревыми» темами, как материальное положение героя, вообще не интересуется.

Но как же можно писать о человеке, не зная его? Я горячо советую каждому молодому писателю, начинающему писать книгу, прежде всего завестись у себя собой «отдел кадров». О каждом из своих героев надо знать абсолютно все, начиная с того, когда он родился и что с ним было до того, как он пришел на страницы книги, и кончая тем, что с ним будет потом, после того, как он ушел из жизни.

Для современных произведений характерно изображение героев, или, как еще выражаются некоторые критики, «персонажей». Шлохое слово — «персонаж!» В книгах должны быть люди, а не персонажи. Одних из них автор напишет более подробно, других — менее, а третьих — только упомянет. Это — законное. Но о каждом — о каждом, появляющемся на страницах книги, человеке — автор обязан знать все. Неважно, выйдет ли все это в роман, или нет. А знать — надо! Тогда одной меткой фразой можно будет охарактеризовать человека, и будет люди, а не персонажи, книги, а не шитые распашеки.

Пренебрегают некоторые молодые писатели и точностью в отношении времени действия. Иногда сами лишь приблизительно знают, в каком году происходит дело в их же книге. А вспомним, как обычно начиналось повествование у классиков: «Теплым июньским вечером 1858 года...» и т. д. Из их книг всегда ясно, когда и где происходит действие. А в наше время, когда не то что год, а каждый день неповторим, непохож на предыдущий, это особенно важно. Зная это из собственного нечаянного опыта. Неудача miei пьесы «Закон зюмова» во многом объяснялась тем, что я произвольно «сдвинул время» и получилась неправда, фальшь: то, что было возможно в Арктике 1935 года, когда я там был, стало уже невозможным в Арктике 1941 года... Шагнула вперед жизнь.

Вообще точность во всем — это закон для писателя. Тем из нас, кто работает над индустриальными темами, особенно необходимо знать, и хорошо, до тонкости технику, технологию, производство. Человека труда невозможно показать без этого.

Мне хотелось как-то присутствовать при обсуждениях пьес одного молодого драматурга. Пьесу все дружно критиковали. В ней были выведены два сталевара. Один — «консерватор», другой — «новатор», но оба они были одинаково бледны и неинтересны.

Тогда мы попросили автора, чтобы он рассказал нам уже не «художественно», а своими словами, просто, чего хочет новатор и против чего спорит консерватор, и вдруг выяснилось, что автор сам не только не знает этого, а и вообще о мартовском деле имеет смутное понятие. Стоит ли после этого удивляться, что пьеса не вышла? Писателю должен до тонкости знать технику дела, даже не для того, чтобы ее описать, а чтобы самому все понять и увидеть, а увидев — найти в этом образное, то-есть человеческое и поэтическое. Никто не требует от писателя, чтобы он описывал все эти винты и болты, — он пишет не преискурент, но он должен все эти болты и винты знать, иначе для него и машина будет только железным хаосом и человек — творец машины — останется непонятным. Скажу опять же из опыта. Только изучая техническую литературу, учебники горного дела, беседа с мастерами и бывая в шахтах, смог я написать те страницы в своей книге «Доббас», которые я люблю. И есть в этой книге несколько неточностей, за которые я мучительно краснею: значит, не все изучил, как надо. Я исправляю их в первом же издании. И опять поеду в Доббас — смотреть, наблюдать, учиться...

Много, очень много должен знать писатель! Помимо главного, основного, ради чего пишется книга, он также должен знать и массу второстепенного. Я имею в виду «второй план» в книге.

Иногда книга молодого писателя написана, как сценарий или даже как либретто сценария: это не книга еще, а только основа будущей книги.

Сценарий законно не требует такого изобилия подробностей, как роман. И это понятно. Не нужно подробно описывать внешность героя — будет живой актер. Не нужно писать пейзаж — будет оператор. Будет живая натура. Будут режиссер, художники и т. д. и т. д. Кино имеет много образных средств.

У писателя же, когда он пишет роман, только одно оружие — слово. Словом должен обрисовать и героя, и натуру, и жизнь, которая идет там, на «втором плане». Не нужно и вообще этот второй план! Необходимо нужен. Не ради украшения, ослепления книги, бог с ним. А для того, чтобы читатель видел в «второй книге» не сочинение автора, а отражение

жизни, самую жизнь. Жизнь со всеми ее красками, запахами, переживаниями, подробностями. Для этого и пейзаж нужен, и описания необходимы, и вся эта масса подробностей, которая как будто ничего и не решает в книге, а на самом-то деле и создает то очарование правды жизни, которое так покоряет нас в романах Шолохова, Фадеева, Фелина, Катаева.

И писателю, когда он умеет это писать и знает жизнь, легче работать. Для меня, например, мучительно трудно сочинять «сцены в кабинете», заседания, камерные эпизоды. Понимаю, что надо эти сцены «расцветить». Вот и начинаешь: «он улыбнулся», или «ухмыльнувшись», «сказал он», или «сдвинув мохнатые брови, проговорил он...». Самому скучно писать... А все оттого, что не представляю и себе эрмию из этого кабинета, ни зала заседания, где идет горячий, искренний спор; не описал я стола, на который мой герой мог бы опереться, не написал осяза, в котором он посматривал бы, не дал жизнь за этим окном...

Здесь я говорю уже, как видите, о непосредственной работе писателя за письменным столом. Это — самый радостный и самый трудный этап рождения книги. Это — страда писательская. Тут остается, созори ли твои замыслы, хватит ли силею наполнить чертёж живой и горячей кровью.

Нас не раз учили наши большие мастера: побольше трудитесь над своим произведением, переделывайте, переписывайте!.. И это — золотые слова.

Мне приходится наблюдать на нашем семинаре, как порой страдальчески морщится молодой автор при словах «Надо переделать», обранных к нему. Я понимаю нетерпение молодого писателя: хочется поскорее увидеть свое имя на корешке книги. И все-таки не следует горючиться!

Нет ничего радостнее, как работать, работать, работать над книгой!.. Переделывать, переписывать, видеть, как на твоих глазах зреет и хорошеет твоё детище. Процесс творчества — самое дорогое в нашей работе. И я хочу пожелать вам, дорогие друзья, больших и радостных успехов на этом благородном пути!

РЕЧЬ НА ВТОРОМ ВСЕСОЮЗНОМ СОВЕЩАНИИ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

1. Разговор о мастерстве писателя следует начинать с языка. Язык всегда останется основным материалом произведения. Художественная литература — это искусство слова. Даже столь важное начало литературной формы, как композиция, отступает перед решающим значением языка писателя.

Мы знаем хорошие произведения литературы с несовершенной композицией. Но хорошего произведения с плохим языком быть не может. Из негодного леса нельзя выстроить хорошего дома, хотя хороший дом не всегда бывает вполне удобным: это зависит от плана, а не от добротности леса. Однако что толку в удобном плане, если гнилые стены не держат тепла?

Учение идет учиться к мастеру. Мастер учит, как избежать ошибок, которые когда-то он сам делал, а потом выучился их не делать. У него были тоже учителя, и к тому, чему он научился у них, он добавил свой опыт.

Ученику надо не только усвоить знания учителя, но непременно, вдобавок к ним, приобрести личный опыт. Тогда мастерство будет совершенствоваться, возматереться.

Наука осталась бы, если бы ученые усложнились на том, что они получили в наследство от предшественников. Открытия рождаются там, где кончается знание учителя и начинается новое знание ученика. Помните Ленина: «Хранить наследство — вовсе не значит еще ограничиваться наследством...»

Так же обстоит и с искусством. Взять от мастера его мастерство еще не значит сделать мастером. Надо усвоить прошлое, чтобы смелее идти к будущему. Но прошлое надо знать основательно, чтобы в будущем не тратить усилий на открытия, которые уже сделаны.

Молодой писатель поднимет искусство литературы тогда, когда добавит к нему свои новые достижения мастера.

2. Для писателя никакие достижения немалыми без постоянной, а сказав бы, без повседневной работы над словом.

3. Я убежден, что молодому писателю очень полезна работа в газете. Это школа, заменить которую в литературе нечем. Что дает школа газеты?

Она вырабатывает самые дорогие качества, необходимые в художественной прозе: краткую форму, точность выражения, ясность мысли.

Недостаток многих наших романов последнего времени — расплывчатость, многословие, то что Лев Толстой называл «жиром» в отличие от «мускулов».

Газета развивает у прозаика мускулы. Она не позволяет прозе растекаться, ползти. Если газета печатает безумную прозу, то это вина газеты. По своей природе газета требует от литератора, так сказать, спортивной формы.

Многословие — враг газеты, потому что лишние слова занимают лишнее место и потому что они затуманивают мысль, а газета должна выступать только с ясными мыслями.

Точность слова является не только требованием стиля, требованием здоровья вкуса, но прежде всего — требованием смысла. Где слишком много слов, где они вялы, там дрябла мысль. Путилина не подается изысканно простым, точным словом. Когда у прозаика исчерпано содержание, возникают длинноты.

Первый великий учитель русской литературы — Михаил Ломоносов сказал: «Смутно пишут о том, что смутно себе представляют». Это было истиной в XVIII веке, остается истиной в XX и останется ею навсегда.

Наш современник, большой советский писатель Алексей Толстой, в пору своей полной зрелости заявил: «Язык — орудие мышления. Обращаться с языком кое-как — значит и мыслить кое-как».

Газета — школа наблюдения жизни. Писатель, работающий для газеты, находится в прочных, но подвижных связях с действительностью. Рассказ о чем-нибудь, а больше — ни о чем, газета не печатает. Ее страница — это наш день. Но она вовсе не ждет от писателя репортажа о событиях дня. Это делает репортер. Писатель должен в коротких чертах, в отчетливой действительности и проглядывающей внутренней жизни современного героя.

Горький прошел и в полную меру узнал трудности профессиональной работы газетчика, но первые художественные рассказы Горького написаны тоже для газеты, и он отмечал, что работа для нее многим ему научила. Наш удивительный мастер рассказывал Чехов годами печатал свои произведения в газетах. Он оказался непревзойденным в области короткой формы и, как новеллист, нашел признание во всем мире.

Молодой писатель, на мой взгляд, должен начинать свой путь с работы над короткой формой. Путь на первых шагах ставит себе задачу создания большого романа, цикла романов, эпопеи в несколько томов.

Я понимаю, молодой писатель может сочинить и роман, и эпопею: у него много сил, много желания рассказывать как можно больше, если не сразу все, что он знает, у него много темперамента и много энергии вперед. Но свобода большой эпической формы, ее обилие героев и обилие слов, ее простор, ее бесчисленные разновременные традиции, которые перекрещиваются и создают впечатление, будто в эпопею автор волен делать, что вздумается, — все это недостаточно строго воспитывает в молодом писателе требовательность к работе над формой произведения.

Следующим шагом так называемых «больших попыток» молодых писателей можно считать: помотно больше, а вот что мы видим на этом походе? Отсутствует стройная композиция, помогающая усилить решение темы. Слабы связи между героями. Нет единого источника света, а ко всякому персонажу, точно на кинескопе, приставлен свой шпиль. Сюжет не зависит от характеров действующих лиц, а фабула — от обстоятельств действия. Большое помотно не стало большой картиной.

Практику мастерства лучше всего начинать с рассказа. Тут все наглядно: соразмерность частей, органичное родство характеров и сюжета, назначение каждого

эпизода для службы общему замыслу, каждой детали — целому. И тут действительно строгое воспитание чувства слова: в рассказе не разоблачаются, слова в нем надо отбирать и отбирать.

Конечно, школа рассказа не перед каждым молодым писателем непременно открыта. Но я уверен, каждый роман будет тем сильнее, чем настойчивее он учился мастерству короткой формы. Взявшись сразу за роман, он не добьется той требовательности к себе, которой научит его практика рассказа.

Следует выражению Льва Толстого, я бы сказал, что научиться совать «жир» и приобретать «мускулы» в художественной прозе гораздо легче на опыте рассказчика, чем романиста.

4. Почему рассказы Чехова и Горького, напечатанные в газете, вошли в классическое наследие русской литературы, а не затерялись в массе однотомов?

Рассказы эти отразили собой жизнь русского общества, были общими картинами тех или других классовых отношений на рубеже века. Несомненно, так.

Но также несомненно, что эти рассказы были написаны в полную силу огромных талантов. Чехов и Горький не снижали требований к своему искусству, печатая рассказы в газете. Они не упростили своего языка, не изменили стиля, не останавливались на неспичных характерах, не довольствовались шаблонными сюжетами. Они оставались верны правде действительности и правде искусства.

Мастер всегда должен быть мастером. Нельзя писать для смешанного журнала хорошо, а для еженедельного плохо. Нельзя вкладывать в роман весь талант, в очерк — немного таланта, а в статью для газеты не вкладывать ничего.

Учиться мастерству писателя надо не в одном каком-нибудь жанре, а во всяком. Как только ты взял в руку перо, ты уже в ответе за все свое искусство. Если ты — ремесленник в газетном очерке, в статье, в рецензии, в письме к товарищу, ты никогда не станешь мастером в рассказе и в романе.

Писатель должен раз и на всю жизнь запретить себе писать кое-как. Это — что с грамотой. Ведь вы не пишете заявления в Союз писателей без грамматических ошибок, а заявления в домоуправление с ошибками? В школе сужают балл за безграмотность в письменной работе по физике совершенно так же, как за безграмотность в сочинении по литературе. И справедливо, — иначе школьник не выучится грамоте.

Почему же в искусстве множество молодых литераторов пренебрегает, например, языком, выступающая в газете? Когда же учиться мастерству? Только тогда, когда сядешь за эпос?

На этом элементарном требовании к писателю должна быть построена его позиция в работе для газеты.

Нет «низких жанров», но существует низкое отношение к жанрам. Оно возникает во вне тех литераторов, которые считают ниже своего достоинства всегда трудиться с одинаковой страстью, с одинаковым напряжением.

Надо писать для газеты во всю силу своих способностей, по призванию литератора. И надо помнить, что из требовательных к себе газетчиков выходили превосходные писатели именно благодаря высокой требовательности к себе.

Нередко говорится о порче языка газетой, о плохом и даже «разрушающем» влиянии газеты на писателя.

Почему, однако, писатель должен повторять слабости и недостатки газетной речи, газетной формы? Кем это предписано? Я говорю о пользе газетной работы вовсе не ради убеждения писателя к тому, чтобы он учился шаблону.

Развивать свою индивидуальность художника, особенно в области слова, — значит изобретать в языке коверканья и ошибки, допускать газетой, и, стало быть, поднимать общий уровень газетной речи.

Писатель повторяет ошибки газетного языка и говорит: ах, на меня разлагаете влияние работа в газете! Но надо писать так, чтобы твой язык влиял на газету, а не так, чтобы плохой газетчик мог оправдаться: чем, мол, язык мой плох, когда он освещен художественной литературой?

А у нас нередко пишут таким языком, что не знаешь, где кончается репортаж, где начинается повесть.

Газета не всегда может пользоваться живой, образной речью. Термины канцелярий, ведомств переходят в газету, воспроизводятся ею, становятся ее языком.

Интересно, например, как постепенно газета подчинилась неправоначальному употреблению множественного числа в тех случаях, когда это противно русскому языку.

Пипут: «Подсудимым предоставлены последние слова». Но какой суд допустит, чтобы перед его лицом подсудимые выражались «последними словами»? Им дано право последнего слова, и только.

Пипут: «В приказе объявлены благодарности». Но «благодарности» и «благодарности» — разные вещи. Мы говорим, что угодливый почтительный «расписался в благодарностях» перед начальником И мы говорим, что десяти сотрудников начальнику «объявил в приказе благодарности».

Возможно, газета, следуя иногда ведомственному языку, выражает так: «Завод обладает малыми производственными мощностями». По подобной надобности нет у писателя. И если он повторяет за газетой: «Колхоз добился увеличения посевных площадей», то это означает, что ему безразлично, как звучит его слово.

Можно указать на примеры языковых искажений, родившихся не где-нибудь в канцелярских недрах, а в самих редакциях газет. Одна газета опубликовала обзор работы другой. В обзоре слово «материал» утратило присущее ему собирательное значение и стало подобием понятия «вещь». Вот как выражается газета: «...напечатано около 430 материалов советских корреспондентов и ТАССа». Неужели и автор обзора и редакция всеерьезно считают, что будет правильно сказать: один материал отклонили, пять материалов приняли?

Бытование языковых ошибок в печати

покойства на обоюдном отпущении грехов: писатель смотрит сквозь пальцы на ошибки газеты, она — на ошибки писателя.

Недавно в одной из моих статей, опубликованных журналом «Новое время», слово «загаотить» редакция заменила словом «сглотнуть». Улав, по ее мнению, не загаотить добычу, а «сглатывается» ее. Проститываю эту нечаянную статью, я обнаружил уже «поправку», поспешился и махнул рукой. Верно ли я поступил? Думаю — нет, потому что редактор уверится, будто весьма дурное областное слово «сглотнуть» — вполне литературно и будто своей правкой он оказал благодетель и писателю и читателям.

В «Литературной газете» была напечатана недавно писательская статья, где я встретил следующую фразу: «Мост, соединяющий две половины города, разделенные рекой...» Верно ли поступила «Литературная газета», не исправив выражения: «две половины»? Думаю — нет. Разумеется, автор не станет после этого писать «стри половины», но газета поддержала его, так что «две половины», кой грех, перейдут и в книги писателя.

Наша требовательность к слову должна быть очень большой, и нельзя прощать себе ошибок, какая на слабости газетного языка.

4. В нашей критике последнее время все чаще отмечается засоренность художественных произведений областными словами и оборотами. Требования от писателя чистоты русского языка справедливы. Здесь только надо избежать педантизма.

Я вспоминаю один из самых первых разговоров со мной Алексея Максимовича Горького тридцать лет тому назад. Перед ним лежали только что прочитанные рассказы молодых писателей, и, перебирая рукописи, он раскрыл одну, спросил: — Зачем писать непонятным языком? Что такое «скляный»? Или — «шпрунок»? То ли это инструмент, то ли птица. Не язык, а звукоподражание. Перевести это, к примеру, на иностранный язык невозможно. Никакому переводчику не под силу... Хорошо известна записка Ленина «Об очистке русского языка», где он восстает против употребления иностранных слов без надобности. Но ведь иные областные речения для слуха русского читателя звучат не менее странно, чем чужеземные слова, и столь же непонятны. Горький в статьях о языке ясно высказал свое отношение к непонятным областным словам, и его взгляды разделяет вся советская литература.

Критика излишества в употреблении местных слов, нельзя, конечно, вдаваться в крайность, требовать от художника какого-то стерильного литературного языка. В сущности, слово первоначально обязано своим образованием всегда определенной какой-нибудь местности, определенной краю исторически сложившейся родины нашей речи. И в период уже богатого развития литературного языка, скажем, в XIX веке, после Пушкина, общерусский словарь обильно пополнялся областным материалом.

Удачно произведенное где-нибудь в глубине России меткое слово распространялось, завоевывало всеобщее признание, становилось общепотребительным, теряло свою местную прелесть.

Замечательный пример. Тургенева сто лет назад в «Бежин луге» счел необходимым взять в кавычки глагол «шуршать», и, кроме того, сделать к нему пояснительное добавление: «как говорится у нас», то-есть в наших местах, в Орловской губернии.

«Камыши точно, раздвигаясь, «шуршали», как говорится у нас».

Значит, в первой половине XIX века в русском литературном языке еще не было общепринятым выражением: «камыши шуршат». Но ведь впоследствии и до наших дней никому не приходило в голову брать в кавычки слово «шуршать», относить его к речению местным, областным.

Толковый словарь Ушакова, по моему убеждению, допускает ошибку, причисляя и в наше время слово это к областным. Его употребляет решительно каждый русский. Показательно уже то, что, давая фразеологический пример употребления слова «шуршать», Ушаков ссылается на Фадеева: «Слышно было, как шуршат за пелюх тараканы».

Если к живым истокам фадеевской речи применительно влияние какого-нибудь областного языка, то это язык дальневосточный. По раз слово «шуршать» употребляется на пространных от Орловской области до Дальнего Востока (а оно бытует и от Мурманска до Астрахани) и если оно живет в русской литературе пелый век, от Тургенева до Фадеева, то доколе мы будем считать его «областным»?

У слова, имеющего хождение в ограниченном крае страны, будет достаточное основание приобрести всеобщность, перестав быть только местным, если понятие, им обозначаемое, не располагается в языке более метким и определенным словом, если оно широко доступно для понимания и не противно слуху.

Борьба с «областничеством» в литературе означает требование к писателю не засорять языка излишними, лишними словами, ради чего бы это ни делалось. Но это требование не исключает употребления областного слова, когда его трудно или нельзя заменить известным общерусским словом, когда оно метко и служит обогащению языка.

По-моему, у писателя нет надобности заменять в авторской речи, например, общерусское слово «сосед» нижневосточным, юго-восточным словом «шабёр». Но некое областное слово «бурака» давно приобрело гражданство в повсеместной живой речи и в литературе, и ему нет никакой замены.

Значит, пополнение словаря писателя областными выражениями может вполне себя оправдать, когда отбор слов из местных запасов для общенациональной русской литературы одновременно необходим и удачен.

Сейчас, после выхода трудов

П. В. Сталина по азыкованию, и наука и наше литературное искусство пополнили глубокою основой для многостороннего развития марксистской теории языка и для разработки эстетических принципов, которыми должен руководствоваться на практике писатель в области художественного слова. Генерально ясные сталинские научные положения об основном словарном составе языка и отношении его к диалектам, о совершенствовании языка по внутренним законам своего развития, о языке, как средстве общения, всегда остающемся единым для общества, — все это ярко освещает путь, которым идет писатель к овладению мастерством слова.

Труды И. В. Сталина помогут художнику правильно разрешить и чрезвычайно важный вопрос отношения общенациональной литературы к областному языку.

5. Для чего надо приобрести высокую литературную технику? Не для того ли, чтобы лучше задропировать мысль, блеснуть познаниями, как это делается в ремесленной литературе Запада? Разумеется, нет.

Богатство мысли и познаний для наилучшего выражения своего нуждается в богатстве формы, то-есть в мастерстве. Мастерство — это искусство передать большую правду жизни. Нельзя думать, что если писатель обладает высокой техникой, то описанное им ложное положение станет правдивым. Ложь остается ложью и у мастера, и у подмастерья.

Там же мастерство не служит большому содержанию, оно — обман. Это и называется формализмом: оболочка, не содержащая внутреннего смысла, техника во имя техники.

Высокое мастерство дает возможность более проникновенно и многосторонне изобразить душевную жизнь героя. Правда и красота слова, стройность всех элементов, составляющих форму, сильно и глубоко воздействуют на воображение и душу читателя. Но одна ловкость слова, одна его внешняя виртуозность оставляют душу мертвой.

Алексей Толстой в речи на Всесоюзном съезде писателей назвал болезнью, пережитую писателями времен декаданса, «шаманским отношением к слову». Это очень верно.

Известная часть старшего поколения советских писателей, и я в их числе, на первых порах более или менее испытывали на себе влияние декаданса, который доживал свои дни уже после Октябрьской революции.

Понять «особенности» декаданса легче всего на примере Андрея Белого. Он каждой фразой стремился удивить читателя, ошеломить его. Он отдавался языку именов, как шаман, отдающийся самовозбуждению. Язык был для него первоначальным феноменом, живущим как бы физиологически. Это — стихия глоссы, и Белый сам называл свои писания глоссоаниями*. Волна фразы тащила за собой мысли Белого, которые становились тем туманнее, чем изощреннее, капризнее было слово.

Так звуки слова — дар Валдая Балды, над партою болтая, Перебоятся в дарвалдай.

Таков стих Белого в поэме «Первое свидание».

Дарвалдай поменял ему сколько-нибудь прояснить свое путаное, обветшалое, мистическое мировоззрение, и он остался в нашей письменности только старым шаманом.

Слово-самозвезд, в конце концов, бессмысленно, как бессмысленно всякое орудие, если оно не производит пользы.

Цель, ради которой мы совершаем работу, руководит применением орудия. Мысль ведет за собой слово, дабы оно выразило ее и передало людям.

Подлинное мастерство не затуманивает сущность мысли, а проясняет ее, как химический реактив — светочувствительную пластинку.

Отсюда возникает для мастера рабочий, технический способ проверки ценности произведения. Если ты видишь ошибку формы, или ошибку содержания, твой вкус художника противится принять изображение смерти в романе, значит и смерти не было, то-есть автор не познал ее, не переучивался, как художник. Ты не веришь в закат солнца на картине, значит и заката нет.

Этим я хочу сказать, что познание правды действительности толкает художника к поискам правды изображения и обуславливает гармонию между ними. И мастер способен остро проверить на этой гармоничности ценность произведения. В такой проверке участвует не только талант, но еще больше таланта — культура, знания, опыт. А эти качества приобретаются непрерывным трудом.

Не надо забывать основного: мастер — это не титул и не звание. Сделавшись мастером литературы, писатель не прекращает работу над мастерством. Мастерство не имеет границ.

В статье «Шекспир и несть ему конца» Гёте говорит: «Не все, что делает превосходный мастер, сделано превосходно».

Несомненно, даже у великих мастеров существуют ошибки. Но эти мастера стали великими потому, что они всю жизнь боролись со своими ошибками.

Приобретение мастерства — труд, конечно, не легкий. Чехов в одном из писем сказал: «Чем лучше вещь, тем резче бросается в глаза ее недостатки и тем труднее их исправить». Опыт больших писателей-показал, что мастеру со временем становится не легче работать, а все труднее.

От этот труд — не только мука, но наслаждение, но настоящая радость.

6. Важно сделать свой труд привычным, сделать его потребностью. Удовлетворение потребности в работе уже само по себе вознаграждает за те «мускулы», о которых так много говорится и которые действительно хорошо знакомы писателю.

Мне довелось несколько лет руководить семинаром по прозе в Литературном институте имени Горького. Я следил продолжительно за работой многих студентов, будущих литераторов, в большинстве — способных молодых людей. Я заметил, что, как правило, лучших успехов достигали те, кто писал трудно, а не те, кто писал легко.

Объясняю я это просто: кто стремится преодолеть трудности, свойственные писательскому делу, тому, естественно, труднее, чем тому, кто старается их обойти. В конце концов, у трудно пишущих вырабатывается несравненно более повышенная требовательность к себе, чем у пишущих легко. Постепенно складывается два типа писателей: глубокий и поверхностный.

Почему необходимо уже с самых первых шагов молодого писателя требовать от него гораздо больше труда качественного, чем количественного.

Лучше меньше, но лучше. — Этому совету не все охотно следуют. Но принимавшие его скоро убеждаются на своем личном опыте, что он верен.

Чрезвычайно радует меня, что серьезно и упорно работающие на семинаре недавние студенты теперь уже активно и успешно выступают в рядах наших новых, молодых советских писателей. Николай Евдокимов, Борис Бедный, Юрий Трифонов, Елизавет Малыев и другие авторы повестей, романов, очерков получили литературный стаж в послевоенное время.

Они успели приобрести первый жизненный опыт в героические годы Великой Отечественной войны, закончить образование, начать печататься в журналах, заслужить читательское признание. Перед ними наша Родина открывает просторное, далекое, светлое будущее. Это много.

И вот именно в момент их отградного успеха мы, писатели, должны сказать нашим новым товарищам, что даже высшая народная оценка их творчества не является алмазом их достижений.

Юрий Трифонов написал своих «Студентов» хорошо, но мог бы написать лучше. Он умеет отлично работать, с умением и воодушевлением. Ему известно чувство неудовлетворенности. На студенческой сессии он писал хорошие рассказы, но на каждом рассказом был недоволен. Он не спускал с работы. Теперь его задача — развернуть и крепче воспитать в себе уважение и любовь к труду. Сейчас с него больше спросится, и он обязан вышивать мастерство.

Елизавет Малыев напечатал уже два романа. Первый из них был начат в Литературном институте. Второй — «От всего сердца» — получил большую популяренность, заслужил ее как своевременность темы, так и живостью некоторых характеров, типичных для колхозной действительности. Но отдельные места второго романа написаны не в полную силу Малыева, слабее, чем первый его роман, и слабые некоторые рассказы, которые читались на семинаре. Малыев тоже писал хорошие рассказы, умеет достигать сжатой выразительности, построить верно сюжет. Но он слишком увлекается живописностью слова, не очень строго отбирает его, любит блеснуть словцом. Романы его неровны, страдают длиннотами, и вместо живописи он нередко дает раскраску. И ему надо теперь не облегчать себе работу, но бороться все свои лучшие способности и качества в кулак и заставить их служить развитию, подъему дарования.

Речь идет, конечно, не о работе только над технологией письма, но о работе всесторонней и прежде всего об изучении жизни.

Студент Литературного института Владимир Шустиков прислал мне на днях письмо со строительства Волго-Донского канала, куда его направили в творческую командировку журнал «Смена». Он пишет: «...в прошлом я, кажется, допустил ошибку, общую для многих: не зная жизни вообще, мы полагаем, что не знаем какого-то участка жизни: колхоза, стройки; не зная людей вообще, мы полагаем, что не знаем только каких-то определенных людей: колхозников, строителей. Считаю так, мы вместо того, чтобы думать о людях, которые нас везде окружают, о жизни, от которой никуда не уйдешь, мы задеваем целью изучить колхоз или стройку и едем туда, едем по большей части для того, чтобы освободиться от дум о жизни, считая, что тем, что мы едим и видим, можно заменить думанье».

Стремление исправить эту свою ошибку. Только беда: от лести или от безделья у меня бываю иногда провалы, когда я забывая об этом своем правде и начинаю смотреть, смотреть во все глаза, восхищаясь и не думая».

Письмо это показательно для горячего, пылкого ума. В нем — и правда и заблуждение.

Заблуждение в том, что думаньем о жизни можно будто бы заменить познание ее. Это, конечно, не так. Верное, плодотворное думанье есть лишь результат познания жизни. Понять жизнь невозможно, если ее не изучаешь.

Правда письма в том, что нельзя изучать жизнь по ее отдельным участкам, по кусочкам, и только. Наблюдать жизнь и думать о ней — значит уметь видеть частное, никогда не упуская из вида общее и отделив случайное от закономерного.

И другая правда письма: ведь действительно, находясь на такой стройке, как Волго-Дон, невозможно иногда не позавыть о запатах обобщения сложного, величественного процесса нашей жизни и не увлечься до восторга простым героем труда, который, оттаяв самозабвенно своему делу, и в мыслях не имеет, что совершает героическое!

Мне кажется, Владимир Шустиков, нынешний студент и затранный молодой советский писатель, находится на верном пути: он познает жизнь, жаждо наблюдает ее и понимает, что в этом — главное условие овладения мастерством писателя.

Надо желать и другим молодым писателям такого страстного и одновременно верного отношения к своей высокой работе.

Четыре тома разделяют первое Всесоюзное совещание молодых писателей от второго. Интересна творческая судьба некоторых делегатов первого совещания. Олег Гончар закончил за это время трилогию о Великой Отечественной войне, удостоенную Сталинской премии. На втором совещании Олег Гончар сделал доклад о молодых литераторах восточной Украины. М. Луконин опубликовал поэму «Рабочий день», отмеченную Сталинской премией, и поэму «Дорога к миру». На законченном совещании М. Луконин руководил одним из поэтических семинаров.

В дни совещания было опубликовано постановление Правительства о присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области науки, изобретательства, литературы и искусства за 1950 год. Среди удостоенных премии участники первого совещания С. Антонов, П. Воробейко, Ю. Трифонов, Г. Эмин.

С. Будзенько, А. Межиров, С. Орлов, В. Тушнова, М. Дулин и другие прозаики и поэты, ставшие известными нашим читателям после первого совещания, молодые писатели, руководили творческими семинарами на втором.

Вчера в редакции «Правды» состоялась встреча с молодыми писателями — участниками совещания. Делегаты поделились своими впечатлениями о совещании и выдвинули ряд вопросов, связанных с воспитанием начинающих литераторов, с работой местных издательств и с литературной жизнью в столице, в республиках, краях и областях.

Вчера вечером в издательстве «Молодая гвардия» состоялась прием группы участников второго Всесоюзного совещания молодых писателей. Речь шла об издании их книг в 1951—1952 гг. и о дальнейшей творческой работе издательства с молодыми писателями. С авторами наиболее интересных произведений, отмеченных на творческих семинарах, издательство заключило соглашения. В частности, начата редакторская работа над книгой стихов остряка поэта Б. Муртазова и над повестью Ярославского прозаика Н. Грибова «Огни», посвященной работе комсомольцев за строительство электростанций.

Издательство «Советский писатель» приняло на рассмотрение ряд книг молодых авторов — участников второго Всесоюзного совещания. В их числе — роман Н. Шундица «На земле Чукотской», книга рассказов В. Дулинцева, первые книги стихов В. Журалева, Е. Евтушенко и другие. С поэтом Е. Винокуровым заключено соглашение на выпуск первой книги его стихов. В план редакционной работы издательства на 1951 год включены первые книги стихов В. Федорова и Ю. Яковлева.

В результате работ творческих семинаров 60 книг молодых авторов будут предложены комиссией по работе с молодыми писателями ЦСРП СССР московским и областным издательствам для печати.

Более двадцати участников второго Всесоюзного совещания молодых писателей остались после окончания работы совещания, чтобы принять участие в традиционной «Неделе детской книги», которая открылась вчера в Москве, в Октябрьском зале Дома союзов.

В Драматическом театре имени К. С. Станиславского идут репетиции пьесы молодого тамбовского драматурга — участника совещания Д. Девятова — «В Лебяжьем». Ставит пьесу М. Яшин и А. Зинковский. Художник — А. Васильев. Музыка к спектаклю написана композитором Б. Мокроусовым.

Премьера намечена в конце апреля.

Секретариат Союза советских писателей ЦСРП освятит свое ближайшее заседание итогам прошедшего совещания молодых писателей и обсуждению мер, способствующих дальнейшему развитию молодой советской литературы.

Группа поэтов — делегатов второго Всесоюзного совещания молодых писателей приняла участие в клубном дне, устроенном Центральным домом литераторов. Поэты познакомили собравшихся со своими новыми произведениями.

В апрельской книге журнала «Знания» молодой поэт Г. Куревен выступит с новой поэмой «Самолет выходит в поле», посвященной авиации на службе сельского хозяйства. Многие рукописи молодых писателей находятся в различной стадии редакционной работы и готовятся к опубликованию в журнале. Помимо художественных произведений, в журнале «Знания» будет напечатано несколько работ молодых критиков, в частности, большая статья Ю. Белаха о Демьяне Бедном.

Вчера редакция «Литературной газеты» пригласила к себе группу делегатов совещания молодых писателей для того, чтобы установить с ними постоянные творческие связи, привлечь их к сотрудничеству в газете. Молодые писатели познакомились с редакционным планом, с главными вопросами, которые газета намечает ставить на своих страницах в ближайшем времени, а также поделились личными планами будущей творческой работы и в свою очередь, предложили газете ряд новых тем